

Г Р О Б Н И Ц А .

Г Л А В А I .

Сирѣ Карлѣ и сестра его Женни, плыли уже цѣлой мѣсяцѣ подѣ всеми парусами. Они возвращались изъ Ямайки, куда привело ихъ желаніе видѣть нѣжнаго отца и любезную мать; но обманувшись въ этой сладкой надеждѣ, они не могли ничего узнать о своихъ родителяхъ, и послѣ тщетныхъ розысковъ возвращались въ Англию.

Огорченный неудачнымъ путешествіемъ, Сирѣ Карлѣ не могъ наслаждаться сномъ и между тѣмъ, какъ весь эки

пажъ покоился въ объятіяхъ Морфея, онъ бродилъ въ задумчивости по палубѣ. Побуждаемъ благопріятнымъ вѣтромъ, корабль быстро напился по волнамъ: утренняя заря прогоняла звѣзды; горизонтъ украшался блестящимъ пурпуромъ; дневное свѣтило, выходящее изъ безднъ Океана, позлащало его поверхность; но Сиръ Карлъ былъ нечувствителенъ къ красотамъ природы, и думалъ только о своихъ родителехъ. Его нѣжная къ нимъ привязанность изыскивала средства опкрыть мѣсто ихъ пребыванія, и эта непроницаемая пайна умножала его безпокойство.

Георгій Гюшнеръ, имѣвшій двадцать восемь лѣтъ отъ роду, по способностямъ своимъ получалъ въ команду корабль,

на которомъ находился Сиръ Карлъ; онъ безпрестанно спарался разсѣять грусть своихъ любезныхъ пассажировъ. Сверхъ искренняго почтенія, которое онъ къ нимъ имѣлъ, красота Женни сдѣлала на него сильное впечатлѣніе. Къ нѣжной бѣлизнѣ шѣла присоединяла она потѣ плѣнительной видѣ, которымъ Рафаелева кисть украсила свои произведенія. Прекрасные ея каштановые волосы, лежащіе локонами по плечамъ; голубые глаза, въ которыхъ видна была чувствительность и скромность; наконецъ Ангельская ея улыбка уподобляли ее одной изъ шѣхъ мнимыхъ красотъ, которыми пылкіе умы населили область воображенія. Гюпнеръ не могъ быть равнодушенъ къ такимъ прелестямъ, и между шѣмъ, какъ глаза его

устремлялись съ восхищеніемъ на Женни, любовь напечатлѣла образъ ея въ его сердце. Тайная привязанность Гюпнера къ Женни побуждала его искать дружбы ея брата, которую онъ легко и приобрѣлъ; да и какъ Сиръ Карлъ могъ быть нечувствительнъ? Симпатія должна была соединить ихъ: они имѣли одинакія наклонности, одинакіе вкусы, и попому связь ихъ была искренна. До сихъ поръ Гюпнеръ не отваживался спросить Сиръ Карла о причинѣ его печали, но наконецъ онъ думалъ, что взаимная ихъ привязанность даетъ ему на то право. Будучи увѣренъ, что самая глубокая горестъ облегчается, когда истинная дружба принимаетъ въ ней участіе, онъ просилъ Сиръ Карла открыть ему при-

чину своей печали, который съ охотою согласился ввѣришь пайну души своей другу. Послѣ обѣда Сирѣ Карлѣ и сеспра его пошли въ Капитанскую каюпу; Гютнерѣ запрети́лъ служителямъ входитьъ къ себѣ, и Сирѣ Карлѣ началъ свою повѣсть:

„Я родился, сказалъ онѣ, въ Герцогствѣ Ланкастерскомѣ, гдѣ Милордѣ Эдуардѣ Келли, отецъ мой, имѣлъ знатныя помѣстья; но будучи еще болѣе богатѣ общимъ уваженіемъ, онѣ имѣлъ право наслаждаться счастіемъ; однако послѣ узналъ я, что онѣ претерпѣлъ нѣкопорыя несчастія прежде брака своего съ Мисприсѣ Камбель. Рожденіе мое доставило, какъ отцу моему, такъ и матери чрезмѣрное удовольствіе; они оба любили меня очень иѣжно.

Послѣдняя, мало занимаясь красотою, которая удивляла всѣхъ ее знающихъ, свято исполняла обязанности, возложенныя на нее природою; не хотѣвъ никому меня ввѣрить, она была сама моею кормилицею, и потому я дважды обязанъ ей бытіемъ моимъ. Она рачительно пеклась о всѣхъ моихъ нуждахъ, и ея вниманіе предупреждало то шѣв произительной крикъ, которымъ обыкновенно младенцы извѣщаются. Наемная кормилица слушаетъ его равнодушно; но мать почитаетъ его гласомъ природы, и слышитъ всегда съ нѣжнымъ участіемъ. Попеченія обо мнѣ были лучшимъ наслажденіемъ моей матери; часто просиживала она по цѣлымъ часамъ у моей колыбели вмѣстѣ съ отцемъ моимъ, ожидая моей улыбки.

жи, или другого радостнаго пѣлодвиженія при моемъ пробужденіи. Эти нѣжныя родители безпрестанно меня ласкали; казалось, что они будто имѣли одну душу, для того чтобы равномерно любить плоды и залогъ взаимной ихъ нѣжности; я росъ и наслаждался въ ихъ объятіяхъ совершеннымъ благополучіемъ. Мыѣ было шесть лѣтъ, какъ рожденіе Женни довершило ихъ счастье; но, ахъ! они не долго его вкушали. За сею эпоху послѣдовало произшествіе, котораго время не могло изгладить изъ моей памяти.

„Однажды отецъ мой былъ на охотѣ съ нѣкоторыми изъ своихъ служителей, между тѣмъ какъ оспальныя занимались сельскою работою. Мать моя, послѣ упрежденной прогулки

въ паркѣ, сидѣла подѣ розовымъ кустомъ и читала книгу; густыя каштановыя деревья укрывали ее отъ солнечныхъ лучей. Я игралъ у ногъ ея на дерновомъ коврѣ, усѣянномъ разными цвѣтами. На одной сторонѣ цвѣли незабудки, на другой нѣжныя ландыши; въ иныхъ мѣстахъ видны были простыя полевые нарцисы, между коими фиалка разливала свое благоуханіе. Бальзамическій воздухъ, копорымъ я дышалъ въ этомъ мѣстѣ, возбуждалъ во мнѣ живость, и радостныя мои восторги прерывали нѣсколько разъ чтеніе моей матери, копорая часто оставляла свою книгу, и улыбалась моимъ восклицаніямъ.

„Вдругъ небольшая калипка, находившаяся близко насъ, оповорилась; чепыре человека въ

маскахъ выбѣжали; и между
тѣмъ, какъ одни удерживали
мать мою на помѣ мѣстѣ, гдѣ
она сидѣла, другіе схватили
меня и пощадили въ калишкѣ,
въ которую вошли. Не взирая
на препятствія эпихъ бездѣль-
никовъ, мать моя, видя что
меня похищаютъ изъ ея объ-
ятій, кричала и просила помо-
щи. Жаксонъ, доброй Жаксонъ,
болѣе другъ, нежели служи-
тель моего отца, прибѣгаетъ
немедленно. Пистолѣтныи вы-
стрѣлъ одного изъ моихъ по-
хищителей повергаетъ его под-
лѣ матери моей, которая отъ
ужаса упала въ обморокъ; за-
маскированные люди кладутъ
ихъ одного подлѣ другаго, и
выходятъ со мною изъ парка.
Одинъ сѣлъ въ почтовую коля-
ску и посадилъ меня къ себѣ
на колѣни; другой занялъ мѣ-

сто кучера, а остальные два съѣли верхомя, и мы поскакали очень скоро.

„Сначала я плакалъ и рвался; но разнообразіе предметовъ, представлявшихся моимъ глазамъ, и ласки моего похитишеля мало помалу меня успокоили. не изгладивъ однако изъ памяти мащери моей, о которой я ежеминутно спрашивалъ. Переѣхавъ нѣсколько разъ лошадей, пріѣхали мы вечеромъ къ прекрасному замку; похитишели мои провели меня чрезъ нѣсколько богато меблированныхъ комнатъ, и вошедъ въ кабинетъ, представили человѣку лѣтъ сорока, коимъ увидѣвъ меня вскричалъ: *„накопецъ а торжествую. Въроломъ Келли! ты будешь въ отчаяніи; лишаешь того, что намъ дороже. О когда бы ты умеръ*

сѣ горести, и я былъ бы свидѣтелемъ этого восхитительнаго зрѣлища! “

• *Кто это смотритъ въ окошко?* — вскричала Женни, прервавъ повѣсть своего брата. Я никого не вижу, отвѣчалъ Карлъ. Можешъ быть заглянулъ какой нибудь мапросъ, идучи по палубѣ, сказалъ Гюпнеръ. — Бышь можешъ, повторила Женни, и Карлъ продолжалъ такимъ образомъ:

„Меня поручили одной женщинѣ, коюрой запрещено было оспавлять меня одного, а особливо выпускашь изъ замка. Грубый видъ, суровый голосъ и спрогое обращеніе госпожи Браунъ, новой моей надзирашельницы, заставили меня живѣе чувствовашъ разлуку съ моею маперью. Однако по прошествіи двухъ мѣсяцовъ соспоя-

ніе мое казалось мнѣ сноснѣе : иногда хозяинъ замка, котораго имени я никогда не слыхалъ, призывалъ меня въ свой кабинетъ; это мнѣ было слишкомъ неприятно, потому что при немъ я совершенно терялъ свою смѣлость. Какъ скоро я входилъ, то, ставъ подлѣ стула, смотрѣлъ въ землю, шевелилъ пальцами, и едва смѣлъ дышать до тѣхъ поръ, какъ онъ прикажетъ выпить мнѣ. Когда же осмѣливался я взглянуть на него, то встрѣчалъ всегда его взоры, въ которыхъ написана была нѣжность, уступающая мгновенно мѣсто мрачной суровости. Мнѣ казалось также, что онъ сравнивалъ мои черты съ портретомъ, которой былъ у него въ табакеркѣ. Однажды, какъ онъ смотрѣвъ долго на этотъ портретъ, закрылъ ру-

ками лице свое, и воздыхалъ очень тяжело; любопытство мое преодолѣло страхъ, и взялъ табакерку, которую онъ поставилъ на столъ: въ ней былъ портретъ матери моей. Я узналъ его и цѣловалъ съ восхищеніемъ; но вскорѣ потомъ гонимель мой взглянулъ на меня съ сердито, что я, оставя табакерку, бросился отъ него бѣжать, и считалъ себя въ безопасности тогда только, когда уже былъ подлѣ своей надзирапельницы.

„Однимъ утромъ проходя съ нею мимо кухни, увидѣли мы бѣднаго человѣка, которому повара дали нѣсколько кусковъ хлѣба. Госпожа Браунъ, не любя бѣдныхъ, закричала спругимъ голосомъ: „за чѣмъ пропустили вы эшаго человѣка? развѣ забыли, что Милордъ за-“

Гробница Ч. I. Б 2

прешилъ пускашь сюда поспороннихъ людей?», — Успокойтесь, сударыня, сказалъ поваръ: это несчастный человекъ, который уйдетъ отсюда, какъ скоро иѣсколько побѣств: — Несчастный? . . . Несчастный? . . . Много такихъ несчастныхъ входятъ въ дома только для того, чтобъ узнать всѣ переходы, а ночью съ такими же бездѣльниками . . . !», — *Ахъ, сударыня!* прервалъ бѣдный, *повѣрите, что я неспособенъ . . .* Сказавши это, взглянулъ онъ на меня, и не могъ болѣе выговорить ни слова. Не взирая на рубище, въ которое онъ былъ одѣтъ, я узналъ въ немъ камердинера моего отца. Не предвидя несчастій, которыя могла произвестъ моя неоспорожность, я съ радостію бросился къ нему, и вскричалъ: Лю-

безный Жаксонъ! отведи меня къ маминькѣ. Тутъ многіе изъ слугъ схватили Жаксона, между тѣмъ, какъ другіе бросились увѣдомить о томъ моего гонителя: онъ приближалъ въ великомъ гнѣвѣ. Негодный! говорилъ онъ, какъ осмѣлился ты войти сюда? „Ахъ, сударь! отвѣчалъ Жаксонъ: Милордъ Келли согналъ меня со двора съ тѣхъ поръ, какъ похитили его сына, и теперь я кормлюсь однимъ подающимъ! — Вздоръ, продолжалъ мой гонитель, не надѣйся обмануть меня; я знаю твое намѣреніе: бывши моимъ убійцею, ты хочешь еще быть теперь шпиономъ; но ты будешь достойно наказанъ! — Возьмише его! — Множество слугъ, которые были столь же жестоки, какъ и господинъ ихъ, бросились на Жаксона. Не взи-

рая на это, я протѣснился между нихъ, и ухватясь за него, держался очень крѣпко. Одной рукой онъ отбивался отъ варваровъ, которые на него напали, а другою прижималъ меня къ себѣ; но ахъ! меня вырвали изъ его объятий, и жестокая моя надзирательница упатила меня въ свою комнату.

„Сіе произшествіе сдѣлало на меня глубокое впечатлѣніе. Не зная, что сдѣлалось съ Жакономъ, я безпрестанно о немъ думалъ и у ерѣхъ спрашивалъ, но никто не отвѣчалъ мнѣ. Сперва я жалѣлъ, что онъ выгнанъ изъ дому отца моего; но вспомнивъ упрекъ, который ему сдѣлалъ гонимель мой, подумалъ, что бѣдность и, слова Жакона были приговорныя и что посредствомъ этой хитрости хотѣлъ онъ узнать обо

мнѣ, и, можетъ быть, избавить меня. Сія мысль заставила меня еще болѣе любить Жако-на, и показала мнѣ ошибку, сдѣланную мною, когда я бросился обнимать его. Я видѣлъ, что безразсудной мой поступокъ лишилъ меня помощи, которую онъ, безъ сомнѣнія, хотѣлъ мнѣ доставить, и что я былъ виною жестокостей, имъ претерпѣваемыхъ. Искусившись собственнымъ опытомъ, я обѣщался самъ себѣ быть впредь гораздо осторожнѣе.

„Госпожа Браунъ, занималась обыкновенно работою въ залѣ нижняго этажа, откуда открывались двери въ садъ, гдѣ я могъ свободно играть и бѣгать. Однажды, какъ я дошелъ до бесѣдки, находящейся на краю сада, услышалъ я стонъ.

Въ чрезвычайномъ изумленіи смотрѣлъ я вокругъ себя и ничего не видалъ; наконецъ мнѣ показалось, что эпитъ спонъ выходилъ изъ подъ камня, поверченнаго во многихъ-мѣстахъ, и чрезъ который входилъ воздухъ въ погребъ, находившійся подъ бесѣдкою. Приближась къ ней, услышалъ я слѣдующія слова: „О, мой господинъ; мой любезный господинъ! еспь ли бы ты зналъ, въ какомъ положеніи швой слуга находишься! . . . Былъ такъ близко отъ эшаго любезнаго ребенка, и не имѣлъ средства дать объ немъ знать его родителямъ! . . .

„Ничто не могло сравниться съ моимъ восхищеніемъ, когда я узналъ Жаксоновъ голосъ: я бросился на землю, и, приложивъ ротъ къ отверстію камня, кричалъ: — „Жаксонъ! мой

добрый Жаксонъ! я здѣсь!...
 Что за голосъ? говорилъ Жак-
 сонъ. — „Эпо я, эпо Карлъ.“ —
 Ты, мой милый Карлъ! — Да! —
 И такъ ты не забылъ меня?
 — „О нѣтъ!“ — *Доброй ребе-*
нокъ! — „Мнѣ бы хотѣлось пе-
 бя выпустить.“ — *Не возмо-*
жно, милой Карлъ! — „Въ ка-
 комъ мѣстѣ ты находишься?“
Подъ крыльцомъ бесѣдки; ска-
жи мнѣ: камень, который за-
валенъ ко мнѣ ходъ, прикрѣ-
ленъ ли къ другимъ камень-
ямъ? — „Нѣтъ, онъ одинъ, но
 очень широкъ.“ — *Естьли у*
крыльца перила? — *Желѣзные*“
 — *Хорошо; нѣтъ ли близко ве-*
ревки? „Нѣтъ; но погоди не
 много, я принесу ее изъ шала-
 ша, въ которомъ садовникъ кла-
 депъ свои инструмены.“ *По-*
стой, милой Карлъ! скажи
мнѣ: давно ли ты отлучился

изъ замка? — „О! очень давно“ — И такъ сего дня ты не можешь ничего для меня сдѣлать; а завтра постарайся принести мнѣ веревку. — „Постараюсь непременно! — Теперь поди домой и отнюдь не говори обо мнѣ. „О! не безпокойся!“ Прости, милой Карль! „Проспи, Жаксонъ, завтра я сюда буду.“

„Кончивъ разговоръ мой, я пошелъ назадъ, и возвратился въ залъ другою дорогою. Госпожа Браунъ была еще за работою, и не примѣтила моего долгаго отсутствія. Я намѣренъ былъ достать въ толь же день в е р е в к у; но между тѣмъ наступилъ вечеръ, и мы возвратились съ госпожею Браунъ въ ея комнату. Ночь намась мнѣ очень долгою, и я

еще въ первой разѣ узналъ мучительную бессонницу.

„На другой день, занявъ будучи Жакономъ, и, думая о моемъ общаніи, я питалъ себя пріятною надеждою возвратить ему свободу. Мысль сія приводила меня въ восторгъ; всѣ мои прежнія забавы были уже мнѣ скучны, да и могъ ли я чѣмъ инымъ заниматься, когда заранѣе вкушалъ удовольствіе помочь несчастному? Сладкое упоеніе чувствъ моихъ было оживлено какимъ-то божественнымъ огнемъ, и минута, въ которую услышалъ я Жаконовъ голосъ, была эпохою переменъ моего бытія: ибо я тогда только почувствовалъ, что имѣю душу. Послѣ крайняго нестерпнѣннѣ настала наконецъ минута, съ такимъ нестерпнѣніемъ ожидаемая. Какъ

скоро обѣдъ кончился, то госпожа Браунъ сошла въ залъ, гдѣ обыкновенно занималась работою, а я...“

Это сестра Сиръ Карла, сказалъ одинъ голосъ. Гюпнеръ, Сиръ Карлъ и Женни взглянули на по мѣсто, откуда былъ слышанъ голосъ. Опять то же лице, вскричала Женни. Я и самъ его видѣлъ, сказалъ Сиръ Карлъ; вотъ это странно, примолвилъ Гюпнеръ: я ничего не видѣлъ; однако мнѣ хочется узнать, кто этотъ любопытный телосѣкъ? Онъ вышелъ изъ каюпы, и опять скоро возвратился; я ничего не развѣдалъ, сказалъ онъ: многіе пассажиры прохаживаются по палубѣ; но матросы не видали, чтобы кто нибудь подходилъ къ этому мѣсту; спросятъ это намъ за дѣло? Дѣй-

спвипельно, сказаць Сирь Карль: я не знаю, за чым мы такь много эпимь занимаемся? Однако, не взирая на равнодушіе Сирь Карла, Женни взглядывала нѣскольکو разь на окошко, откуда слышань былъ голось, между пѣмь какь браунь ея продолжалъ свою повѣсть.

„Какь скоро госпожа Браунь занялась работою, я пошелъ въ шалашь садовника. Садовникъ былъ пьянъ и спалъ очень крѣпко; но не смотря на это, я вошелъ съ великимъ страхомъ, и какь скоро досталъ веревку, то бросился вопъ съ крайнею поспѣшностію. Подошедъ къ бесѣдкѣ, вскричалъ я: „Жаксонъ, Жаксонъ! я освобожу тебя; вотъ веревка, которую ты пребожалъ: она очень длинна.—*Тѣмь лучше.*—“ „Что же мы дѣлаемъ? — Про-

пусти концы ея въ отверстие ко мнѣ. — „Удалось! о, Жаксонъ, какъ я радъ, что возвращу тебѣ свободу!„ Даъ! дръгъ мой! ты принесъ мнѣ снурокъ!„ Да и у меня его цѣлой клубокъ“ — Но мнѣ ильб нитого нельзя сдѣлать.—Какъ! тебѣ нельзя будетъ выпти изъ твоей пемницы? — Безъ толстой веревки не возможно. — „А! я вижу новую веревку, которую садовникъ приготовилъ для колодезя: будетъ ли она годиться?“—Очень хороша — „Я попчасъ принесу ее“ — Боже мой! дай этому слабому творенію потребныя силы для моего освобожденія!—.Ну, Жаксонъ! вотъ тебѣ концы веревки; что же теперь должно дѣлать?“ — Подождать, пока я завяжу большой узелъ. — „Пожалуста поскорѣй, мнѣ хо-

пѣлось бы, чтобы ты былъ уже на свободѣ“ — Теперь перекинь веревку черезъ перила, и подай мнѣ другой конецъ. — „Хорошо! — Не робѣй, милой Карлъ! — Дѣло сдѣлано, вотъ тебѣ другой конецъ.“ — Пропусти его въ отверстие, которое на другомъ краю камня, сюда?“ — Точно такъ, теперь отойди нѣсколько, дабы я могъ приподнять камень.

„Жаксонъ пошлепнулъ веревку и пошевелилъ камень. Карлъ, сказалъ онъ : возьми нѣсколько камушковъ, и всякой разъ, какъ я буду приподнимать большой камень, спарайся ихъ подъ него подкладывать. Это средство было удачно ; мало помалу камень былъ приподнятъ, но песокъ около него обсыпался, и онъ упалъ въ яму. Я думалъ, что Жаксонъ будетъ задав-

лень, однако онъ такъ хорошо стоялъ, что не поперпѣлъ ни малаго вреда. Такъ какъ веревка была очень длинна, то она осталась на перилахъ, и Жаксонъ вылезъ по ней изъ своей пемницы.

„Я бросился обнимать его, и отъ радости не могъ промолвить ни слова; онъ также очень ласкалъ меня, какъ вдругъ мы увидѣли госпожу Браунъ. Мы и она были поражены удивленіемъ; но пришедъ въ себя, она хотѣла кричать. Жаксонъ, бросясь къ ней, ухватилъ ее за руку, и сказалъ грознымъ голосомъ: „Если ты закричишь, то я тебя удавлю. Она запряслась и поблѣднѣла; но Жаксонъ продолжалъ: „я еще болѣе отъ тебя пребую; я хочу, чтобъ ты по этой веревкѣ спустилась въ яму, изъ которой я

вылезъ! — Какъ? вскричала госпожа Браунъ. Молчи, продолжалъ Жаксонъ; спушись, или я тебя туда брошу? Видя, что онъ былъ готовъ это исполнить, она немедленно рѣшилась ему повиноваться; спала на колѣни, взглянула жалобно на Жаксона, которой указывалъ ей свѣтовомъ яму, и спустилась въ нее, думая, что сходитъ въ могилу. Когда она была уже въ ямѣ, то вскричала помнѣмымъ голосомъ: „И такъ я должна буду погибнуть въ этой пропасти! *„Не опасайся ничего, сказалъ Жаксонъ: каждую ночь мнѣ приносили пищу; з о з ъ м и терибнѣе: заточеніе твое не долго продолжится.*

„Говоря это, Жаксонъ отрѣзалъ веревку, дабы она не могла по ней вылезти изъ ямы. Мы немедленно удалились, и

искали удобнаго мѣста, чрезъ которое могли бы уйти. Идучи вдоль сѣнны сада, Жаксонъ увидѣвъ веревочную лѣсницу; онъ перекинулъ ее чрезъ стѣну, такъ что мы легко могли перелѣзть на другую сторону. Какъ скоро мы были на свободѣ, то Жаксонъ взялъ меня на руки и побѣжалъ съ чрезвычайною поспѣшностію; пробѣжавъ около полмили, вошли мы въ небольшую деревушку, гдѣ былъ домикъ, принадлежащій моему опцу. Тамъ мы отдохнули, между тѣмъ, какъ намъ сѣдлали лошадь; какъ скоро она была готова, то Жаксонъ, посадивъ меня съ собою, поскакалъ очень скоро. Въ полночь мы пріѣхали домой.

„Не взирая на предосторожность Жаксона, пріѣздъ нашъ разбудилъ опца моего и мать.

Напрасно бы я старался описать ихъ восхищеніе: они извѣляли самымъ чувствительнымъ образомъ свою благодарность Жаксону. Возвращеніе мое въ опцовской домъ поселило въ немъ прежнюю веселость, и, раздѣляя съ сестрой нѣжность нашихъ родителей, я скоро забылъ свой неприятный плѣнъ.

„Казалось, что послѣ моего отсупствія, какъ я, такъ и Женни, спали имъ еще любезнѣе. Отецъ мой посвящилъ себя совершенно нашему воспитанію, и успѣхи наши отвѣчали его нѣжнымъ попеченіямъ. Два года пропекли такимъ образомъ, и каждой день умножалъ наше благополучіе.

„Милордъ Камбель, дѣдъ мой съ матерней стороны, Губернаторъ Ямайской, чувствуя

приближеніе своей смерти, хотѣлъ обнять еще разъ прежде смерти любезную дочь свою и зятя. Онъ писалъ къ нимъ слѣдующее письмо: „прошу не лишить меня удовольствія видѣть васъ; въ вашихъ объятіяхъ хочу я кончить жизнь. Я всегда посвящалъ ее вашему благу: и такъ примите послѣдній вздохъ мой!“ Родители мои не могли опровергнуть почтенному спарику, которой неоднократно доказывалъ имъ нѣжную свою приверженность; обязанность призывала ихъ къ нему, а благодарность дѣлала это сладкимъ удовольствіемъ. Однако они рѣшились ѣхать не безъ прискорбія; молодость наша съ сестрою не позволяли намъ предпринять такое дальнее морское путешествіе: мнѣ было десять лѣтъ, а ей четыре,

по какъ бы могли мы вынести всѣ его трудности? Почтеніе къ отцу преодолѣло наконецъ нѣжлостъ къ дѣтямъ: они рѣшились насъ оставить у Сирѣ Жонв-Андерсона, брата моего отца, которой не за долго передъ тѣмъ женился. Черезъ нѣсколько дней любезные наши родители отправились въ путь. Я не буду описывать вамъ этой жестокой разлуки; все, что я ни скажу, будетъ недостаточ-но для изображенія взаимной нашей горести.“

Г Л А В А II.

Тутъ вошелъ Штурманъ и прервалъ повѣсть Сиръ Карла, сказывая Гюпнеру, что по всѣмъ признакамъ должно ожидать жестокой бури. Сие извѣстіе устрашило Женни, но преодолевъ робость, сродную ей полу, она не хотѣла остаться въ каютѣ, и между тѣмъ, какъ Гюпнеръ бралъ нужныя предосторожности, она вышла съ Сиръ Карломъ на палубу, чтобы видѣть угрожающую опасность. Какое ужасное и великолѣпное зрѣлище представилось глазамъ ея!

Съ одной стороны солнечные лучи преломлялись въ кипящихъ волнахъ; съ другой ночь являлась на мрачномъ го-

ризонѣ, и густыя облака, быстро разсыпаясь по лазуревому своду, покрывали его своимъ мракомъ. Море волновалось ужасно и шумъ волнъ соединялся съ глухимъ ревомъ отдаленнаго грома. Вскорѣ небо покрылось непроницаемою тьмою, и молнія освѣщала изрѣдка корабль, которой то возносился къ небесамъ, то погружался въ бездну.

Сирѣ Карлъ и сестра его смотрѣли съ трѣпетомъ на эту величественную и ужасную картину; вдругъ блеснула молнія, и Женни показалось, что человекъ, котораго она примѣтила изъ каюты, сползъ подлѣ нея. Ей хотѣлось разсмотрѣть его, но темнота препятствовала. Она ожидаетъ новой молнии; но съ блескомъ ея послѣдовалъ такой сильной.

ударъ, что Женни упала въ обмо-
ровъ въ объятія Сиръ Карла.

Когда она пришла въ себя, то буря уже укротилась и ко-
рабль стоялъ на якоръ въ боль-
шомъ заливѣ. Громоу ударъ,
отъ котораго Женни лишилась
чувствъ, спасъ весь экипажъ;
онъ ударилъ въ скалу, отъ ко-
торой корабль былъ уже очень
близко; Штурманъ, увидя опа-
сность, успѣлъ перемѣнить
курсъ; и когда мрачность спа-
ла менѣе, то онъ подошелъ къ
небольшому острову, гдѣ и ос-
тановился.

Между тѣмъ, какъ служи-
тели занимались поправленіемъ
вреда, причиненнаго бурей,
Гюннеръ, Сиръ Карлъ и нѣ-
сколько пассажировъ свѣхали
на островъ, подлѣ котораго
стояли; но не зная, населенъ ли
онъ или нѣтъ и каковъ харак-

перѣ его жителей, взяли съ собою восемь человекѣ вооруженныхъ матросовѣ. Они удивлены были его плодovitію; природа украсила его множествомѣ различныхъ произрастѣній: корица, гвоздика, сахарныя прости и кокосы росли на немѣ съ изобиліемѣ.

Сирѣ Карлѣ и товарищи его вошли въ лѣсѣ, состоящій изъ деревѣ всякаго роду; земля была усѣяна благоуханными цвѣтами, а пѣніе птицѣ, мѣшаясь съ пихимѣ шумомѣ листьевѣ, колеблемыхъ зефиромѣ, производило въ нихѣ пріятное чувство. Между множествомѣ прекрасныхъ и рѣдкихъ птицѣ, находившихся на островѣ, видѣли они райскую птицу, шу самую, которую по красотѣ своей Натуралистѣ Белонѣ почелѣ за феникса, столь славна-

го у древнихъ. Они нашли также на островѣ множество краснаго звѣря, но свирѣпаго не встрѣчали ни одного. Обходясь около прехъ миль, возвратились на корабль, и не видали ничего такого, по чему бы можно было думать, что островъ обитаемъ.

На другой день Сиръ Карлъ съѣхалъ опять съ своими товарищами на берегъ и они пошли по острову другою дорогою; прошедъ нѣсколько шаговъ нашли ручей, который извивался по блестящему песку. Они думали сперва, что песокъ былъ золотой, но разсмотрѣвъ со вниманіемъ, узнали, что ошиблись. Идучи вдоль этого ручья, скоро увидѣли, что онъ текъ подъ сводъ, поддерживаемый столбами краснаго мрамора, около которыхъ оплелись разныя де-

стился безъ вреда и вступилъ на ровное мѣсто; Гюпнеръ, будучи такъ же любопытенъ, какъ Сиръ Карлъ, немедленно ему послѣдовалъ; но ни одинъ изъ пассажировъ не хотѣлъ быть ихъ поварихомъ: мапросамъ приказано было остаться наверху.

Гюпнеръ и Сиръ Карлъ, отвязавши факелъ, увидѣли другой бассейнъ; онъ былъ прозрачной, шириною сто двадцать футовъ, длиною двѣсти, а глубиною въ два фута. Походивъ по этой пещерѣ, которой стѣны были бѣлыя мраморныя, узнали они отъ чего происходилъ шумъ, которой иногда до нихъ доходилъ: они увидѣли вершину скалы, откуда вода упала медленно въ рышину, и эхо повсюду ея паденіе. Продолжая итти далѣе, нашли

сводѣ, и подошедѣ подѣ него, кричали мапросамѣ, что немедленно возвращаясь; голосъ ихъ раздался ужаснымъ образомъ въ пещерѣ; они слышали, что имѣ отвѣчали, но не могли разобрать, что такое.

Дорога, по которой пошли Гюпнерѣ и Сирѣ Карлѣ, была излучиста, а земля и поверхность скалъ имѣла нѣкоторой блескъ, по которому можно было заключить, что этотъ путь былъ прорытъ быстрымъ потокомъ. Вскорѣ пришли они къ мѣсту, гдѣ дорога кончилась пропастью, въ коей терялся свѣтъ факела; на правой сторонѣ была крутая скала, и черезъ нее только можно было идти далѣе. Наши странники содрогались отъ ужаса; но будучи столько же любопытны, какъ и смѣ-

лы, опважились на этопѣ прудной путь. Сирѣ Карлѣ всходипѣ на скалу съ факеломѣ, Гюшнерѣ немедленно за нимѣ слѣдуешѣ, и шаги ихѣ слышны въ безмѣрной пустопѣ пещеры; вдругѣ чрезвычайной шумѣ приводипѣ ихѣ въ препешѣ.

Нѣсколькѣ камней сорвались съ вершины скалы, и съ прешкомѣ упали въ бездну. Однако они продолжающѣ ипши, и скоро проходятѣ это опасное мѣсто.

Новый путь былѣ гораздо пруднѣе перваго. Идущи по каменьямѣ, пришли они къ грѣпу, коего блескѣ ослѣпилѣ ихѣ; казалось, что онѣ былѣ освѣщенѣ самымѣ великолѣпнымѣ образомѣ. Удивленіе производило болѣе влїянїя на Гюшнера и Сирѣ Карла, неже-

ли ужасъ; они сползли неподвижно. Пришедъ въ себя; увидѣли, что эпотъ гротъ былъ украшенъ каменистою накипью, которая блестѣла опъ факела. Они полагали, что вода небольшого озера, видѣннаго ими въ верхней пещерѣ, пробираясь сквозь землю, произвела ее; накипь сія имѣла разные виды: съ одной стороны сводъ казался украшеннымъ продолговатыми льдинами; съ другой стороны составляла она родъ обелиска; въ иныхъ мѣстахъ казались прозрачныя колонны; наконецъ взоръ терялся въ блескъ разнородныхъ кристалловъ. Ходивши долгое время въ этомъ обширномъ гротѣ, гдѣ они беспрестанно открывали новыя чудеса природы, Сиръ Карлъ и Гюпнеръ увидѣли хрустальной занавѣсъ, которой

проспирался до земли. Желая рассмотреть всѣ красоты сего очарованнаго жилища, они опыскали проходъ, которой провелъ ихъ позадь занавѣса; удивленіе ихъ было чрезмѣрно, когда они увидѣли памѣ слова, вырѣзанныя на сѣнѣ; поднеся факелъ читали слѣдующее:

К О Л У М Б Ъ

былъ въ этомъ Гротѣ

6 Октября, 1493 года.

Надпись эта и имя славнаго мореплавателя возбудили въ нихъ благоговѣніе: казалось, что мысль о семъ великомъ человѣкѣ придавала болѣе красоты этому чудному произведенію природы.

Гробница Ч. I.

Д

Не взирая на удовольствіе, которое ощущали Гюшнеръ и Сиръ Карлъ, разсмапривая этѣ рѣдкости, они спѣшили возвратиться къ своимъ поварищамъ, которые ихъ дожидались; но полагая, что спанувъ сомнѣваться въ томъ, что они будутъ разсказывать, хотѣли имѣть на то убѣдительныя доказательства. Выбравъ лучшія окаменѣлости, которыя имъ попались, вышли съ прудомъ изъ этаго удивительнаго грота.

Желая съ неперѣбніемъ видѣть своихъ поварищей, шли они весьма скоро; но вдругъ Сиръ Карлъ спотыкается, факелъ выпадаетъ изъ его рукъ и угасаетъ. Они вскричали опчаянно, и крикъ ихъ, раздаваясь въ пустотѣ, былъ нѣсколько разъ повторенъ унылымъ

Э

до

сме

ихъ чл

щаль имъ,

въ своей могилѣ. Наконецъ и

Женни вылетаетъ изъ уст.

Сиръ Карла: Гюпнеръ робко

его повторяетъ и оба дыхаю-

ютъ; но мысль о любимой се-

стрѣ возбуждаетъ мужество

перваго. — Онъ ободряетъ

своего товарища спокойнымъ

голосомъ, и ласкаетъ себя упо-

ваніемъ выпти изъ сей ужа-

сной пещеры. О сладкая надеж-

да, драгоценный даръ несл!

ты вливаешь въ ихъ души утѣ-

шительной бальзамъ твой! ты

даешь имъ силы презирать

опасности, которымъ они въ

темнотѣ подвержены! Сиръ

Карлъ опыскалъ факелъ и сна-

рался зажечь его, выбивая ис-

ѡ

ш-

ыло

е того

ы, что наш-

факелъ, ибо имъ ощупыва-
я подъ собою землю. Вскорѣ
узнали они, что идущъ не по
пой дорогѣ, по копорой при-
шли, ибо все спускались къ ни-
зу. Гоповы будучи воропшпъ-
ся, увидѣли пламень, подобной
молніи; они думали, что это
была дѣйствительно молнія, и
полагали, что блескъ ея былъ
видѣнъ сверху, въ расщелину
какой нибудь скалы. Всему
тому легко вѣрять, чего не-
перифливо хочется: они счи-
тали, что были уже близко къ
выходу, и увидя новой свѣтъ
пошли немедленно къ тому мѣ-
сту, гдѣ онъ мелькалъ.

Ежеминутное освѣщеніе под-

крѣпляло ихъ надежду; они успѣли уже разсмопрѣль окружающую пещеру, въ которой скипались; но идучи далѣе чувствовали, что ноги ихъ разорячились, погружаясь въ теплыя пары, которые сообщаясь всему шѣлу, покрывали ихъ потомъ. Сиръ Карлъ ощупываетъ землю, и находитъ, что она была холодна; но нагибаясь, вдыхаетъ въ себя смрадное испареніе, отъ котораго едва было не задохся. Продолжая итти, приходятъ они къ повороту, ими замѣченному, и находясь вдругъ посреди пламени, которой непрерывно около нихъ блеститъ и угасаетъ. Они узнали, что ошиблись: пламень сей происходилъ единственно отъ воспаленія паровъ. Сиръ Карлъ хотѣлъ зажечь имъ свой факелъ, но никакъ не

могъ въ томъ успѣть, ибо онъ угасалъ весьма скоро. Долго не могли они рѣшиться итти въ передъ; но наконецъ, положась на волю Провидѣнія, пошли и при новомъ поворотѣ увидѣли свѣтъ. Такъ какъ уже разблудились они въ своей надеждѣ, то не смѣли вѣрить своему щастію. Однако темнопа исчезаетъ и даетъ мѣсто блестящимъ лучамъ солнца. Они обнимаются въ восторгѣ; идутъ съ поспѣшностію, и выходятъ изъ эшаго жилища ужаса.

Сиръ Карлъ и Гюннеръ бѣгутъ съ спремленіемъ, считая уже себя въ опасности; но какое ужасное и великолѣпное зрѣлище имъ предстаетъ! Они находятъя внутри поухшей огнедыущей горы. Одна часть ея обрушилась, другая, гордо возвыщаясь, была изрыта

губишельнымъ пламенемъ; у ногъ ихъ кипѣла черная смола; впереди была скала, извергающая сѣрной дымъ, изъ подъ копорой выходилъ источникъ горячей воды: повсюду видѣнъ былъ ужасъ и разрушеніе. Природа казалась мерзвою въ этой безднѣ; она была какъ будто погребена подъ собственными своими развалинами. Тщетно солнце освѣщало сію могилу; живописные лучи его не производили въ ней никакого дѣйствія.

Такимъ образомъ избѣжавъ одной опасности, Сиръ Карлъ и Гюшнеръ нашли другую: они не видящъ средства выпти изъ этой пропасти; должно было лезть по горѣлымъ остаткамъ горы, копорые подъ ними рассыпались, и упая въ кучи пепла, производили гу-

стую пыль. Однако же они на сіе отважились, такъ какъ на одинъ способъ ихъ избавленія. Согрѣваемы солнцемъ и изнуренные успалостію, вскорѣ были они принуждены оспановишься: силы ихъ истощаются, и они приходивъ уже въ изнеможеніе; но вдругъ Гютнеръ вспомнилъ, что у него была въ кармаиъ склянка рому, копорую обыкновенно имѣлъ онъ при себѣ въ путешествіяхъ. Они выпиваютъ изъ нее нѣсколько, и чувствуя въ себѣ новую бодрость, продолжаятъ трудной путь свой. Опдыхавши нѣсколько разъ, и едва уже будучи въ состояніи споятъ на ногахъ, достигаютъ они вершины горы въ то время, какъ солнце погружалось уже въ волны. Взглянувъ на пропасть, изъ которой вышли, пер-

вое движеніе ихъ было восклицаніе благодарности къ милосердому Творцу.

Какъ описать радость Сиръ Карла и Гюпнера? Съ какимъ удовольствіемъ говорили они другъ другу: *мы увидимъ опять Женни!* Заходящее солнце освѣщало еще островъ, и они перешли на другую гору, дабы увидѣть, гдѣ споялъ ихъ корабль; однако не видали ничего, кромѣ лѣсу изъ коксо-выхъ и апельсинныхъ деревьевъ. Сіе открытіе доставило имъ новую пріятность, ибо надѣялись подкрѣпить себя сочными плодами. Они взглянули еще разъ на бездну, изъ которой вышли, и измѣряя глазами ужасную глубину ея, удалились съ препетомъ. Вскорѣ дошли до лѣсу, и тамъ, упо-

дивѣ голодѣ свой и жажду, заснули сладкимъ сномъ.

Между тѣмъ, какъ Гюпнеръ и Сиръ Карлъ вкушали опдохновеніе, опсупспвіе ихъ причиняло на кораблѣ вмященіе и беспорядокъ. Сказано выше, что когда они сошли въ нижнюю пещеру, то оставили матросовъ и пассажировъ въ верхней; сіи послѣдніе, наскучивъ долго дожидаться, вышли на поверхность острова, и погулявъ нѣсколько, возвратились на корабль.

Матросы, повинувшись приказанію Гюпнера, остались одни его дожидаться. Они слышали голосъ его, когда онъ кричалъ имъ съ низу и отвѣчали, не различивъ его словъ. Громкой крикъ его, повпоряемой эхомъ, и глубокое молчаніе, которое за нимъ послѣдо-

вало, увѣрили матросовъ, что Капитанъ и Сиръ Карлъ упали въ какую нибудь пропасть. Приведенные въ ужасъ сею мыслию, ни одинъ изъ нихъ не отважился спуститься, опасаясь погибнуть, не сдѣлавъ имъ никакой помощи; они довольствовались тѣмъ, что слушали нѣсколько времени со вниманіемъ; но не слышавъ ничего, полагали, что Капитанъ и другъ его погибли; и дожидаясь ихъ около трехъ часовъ, возвратились на корабль.

Починки были кончаны, въпрѣдъ дулъ благопріятной, и Штурманъ ожидалъ только возвращенія Капитана, дабы сняться съ якоря. Извѣстіе объ его смерти, привезенное матросами, привело весь экипажъ въ уныніе. Вскорѣ несправедливая эта новость достигаетъ

до Жени; горестъ почти лишаетъ ее чувствъ, и она едва могла дойти до своей каюты.

Между шѣмъ, какъ Жени, погруженная въ отчаяніе, лежала въ безпамятствѣ, экипажъ вручилъ команду Лейтенанту; всѣ были довольны этимъ выборомъ; но какъ новый Капитанъ велѣлъ готовиться къ снятію съ якоря: то одинъ пассажиръ, которой, казалось, болѣе всѣхъ бралъ участія въ Сиръ Карлъ и Гюпнеръ, пропивился нѣсколько сему приказанію. Онъ говорилъ, что несправедливо оставитъ островъ, не узнавъ прежде точно о смерти ихъ. Гордясь новымъ своимъ достоинствомъ, Капитанъ отвѣчалъ грубо пассажиру. Отвѣтъ сей, открывающій гордость его и безчеловѣчіе, посеялъ неудовольствіе въ нѣ-

которыхъ матросахъ, и такъ какъ онъ надменно приказывалъ сниматься, то нѣсколько изъ нихъ не хотѣли повиноваться, и присоединились къ пассажиру, кѣмъ предлагалъ ѣхать на островъ искать Гюпнера и Сиръ Карла. Новый Капитанъ поступилъ весьма грубо съ нѣкоторыми; но тогда всѣ пассажиры присоединясь къ нимъ, сказали утвердительно, что не допустятъ сняться съ якоря прежде, какъ точно не узнаютъ, что Гюпнеръ и Сиръ Карлъ были жертвою ихъ любопытства. Видя, что нѣсколько матросовъ просили позволенія ѣхать на островъ, безразсудной Капитанъ велѣлъ сажать въ пюрьму всѣхъ тѣхъ, кои будутъ пропиваться его приказаніямъ; дѣло дошло до драки и партія новаго Капи-

пана должна была уступить партіи Гюпнера. Побѣжденные мапрсы были посажены въ прюмб, а Капитанъ запертъ въ своей каютѣ; побѣдители завладѣли оружіемъ, и такъ какъ наступила уже ночь, то они опредѣлили, что на другой день нѣкоторые изъ нихъ пойдутъ въ отыскивать Сиръ Карла и Гюпнера, между тѣмъ, какъ остальные будутъ на кораблѣ для сохраненія порядка.

Какъ скоро тишина возстановилась, то пассажиръ, которой принялъ сторону Капитана и друга его, вспомнилъ, что Женни не выходила наверхъ. Опасаясь, чтобы ей не приключилось какого несчастія, онъ пошелъ къ ней. Подошедъ къ каютѣ просилъ позволенія войти; но такъ какъ она не отвѣчала, то онъ отворилъ дверь, и уви-

дожники работали весьма усердно и искусством своим умножали богатство Англии. Тут мы видели также обширные магазины съ шелкомъ, купленнымъ во Франціи, изъ котораго у насъ дѣлаютъ ленты и послѣ такъ дорого продаютъ въпренымъ жишелямъ Парижа. Шестидесятъ спановъ, спящихъ въ одной комнатѣ, представляли картину промышленности и дѣятельности. Дядя мой спрашивалъ объясненія на счетъ работы, и мы оставили фабрику не прежде, какъ узнали всѣ ея подробности.

„Сиръ Андерсонъ сказалъ дома, чтобы насъ не дожидались, и попому мы продолжали осматривать разныя любопытныя и полезныя заведенія.

„Послѣ обѣда пошли мы вдоль Темзы; дядя мой, не го-

вора съ утра о рѣкѣ сей ни слова, напомнилъ мнѣ о ея прелестяхъ; и между тѣмъ, какъ онъ ее выхвалялъ, дошли мы до обширнаго зданія: эпо былъ гошпиталь, гдѣ Эскулаповы ученики старались возвращать здоровье несчастнымъ жертвамъ Венеры. Я не могу вспомнить безъ прелепа зрѣлища, которое мнѣ тамъ представилось: мнѣ казалось, что я вступилъ въ Плутоново царство. Въ длинныхъ залахъ видѣлъ я скипающія тѣни; въ угасающихъ взорахъ ихъ видна была мрачная горесть; казалось, что лице ихъ было покрыто желтымъ, сухимъ пергаментомъ, приклееннымъ къ костямъ; корпусъ ихъ имѣлъ подобіе скелета; но, не взирая на это, сластолюбцы едва могли его под-

„Въ другихъ комнатахъ представлялось мнѣ, что будто сіи несчастныя терпѣли уже адскія мученія: иной, сгорая отъ жару, перзался подобно Тангалу; другой страдалъ ужаснымъ образомъ отъ чрезмѣрной внутренней боли; во многихъ мѣстахъ слышенъ былъ вопль тѣхъ, которыхъ пожиралъ Анпоновъ огонь, между тѣмъ, какъ искусной Операторъ, отнимая зараженную часть тѣла, старался спасти остальныхъ.

„Это было жилище ужаса и страданія, и я вышелъ изъ него, думая о жестокихъ слѣдствіяхъ непозволительныхъ удовольствій, коихъ прелести вели къ мучительной смерти.

„Погруженный въ глубокое молчаніе, я шелъ за Сиръ Андерсономъ, какъ онъ вдругъ взгля-

нубъ на часы, вскричалъ: „уже
восемь часовъ! Каролина насъ
дожидается; поспѣшимъ, ми-
лой Карлъ!“—*Нѣтъ, дядюшка,*
опвѣчалъ я: *я къ ней болѣе не*
пойду. — Не пойдешь? — *Никог-*
да. — „Ошъ чего взялась эта
спранныя мысль?“—*Вы спраши-*
ваете это у меня послѣ того,
что мы видѣли?—„Признаюсь,
что должно осперегаться опа-
снаго случая; но Каролина такъ
прекрасна!“ — *Ветеролъ . . . но*
не по цтрц! . . Впротемъ, какія
бы прелести она ни имѣла, я уже
никогда или не плѣняюсь: я
вижу еще теперь этѣ тѣни, этѣ
толныя присидѣнія, вижу и
всегда буду видѣть; и это
ужасное зрѣлище изцѣляетъ
меня на всю жизнь отъ страсти
къ такимъ женщинамъ, какова
Каролина. — „Ты устрашаешь
меня, Карлъ, и я отказываюсь

отъ милой Машиньки? — О, дядюшка, пожалуйста забудьте о ней!—..Я пользуюсь твоимъ совѣтомъ, твоимъ примѣромъ, говорилъ онъ: я обещаюсь всегда удаляться отъ этакъ мѣсяцъ, гдѣ предъ олтаремъ распуспива, украшеннымъ обманчивыми прелестями любви и сладострастія, жертвуюю имѣніемъ, здоровьемъ и даже жизнью.

„Будучи молодъ, не понималъ я хитроспирити, употребляемой моимъ дядею для предохраненія меня отъ опасностей, которыми молодость подвержена; но день этотъ былъ глубоко впечатлѣнъ въ моей памяти, и я никогда его не забуду. Такимъ-то образомъ просвѣщалъ меня Сиръ Андерсонъ; онъ не походилъ на строгаго наставника, котораго сухія

нравоученія заставляли бы меня чувствоваться къ нему опроверженіе; напротивъ того, онъ былъ мой другъ, старающійся участвовать въ моихъ удовольствіяхъ и доставляющій мнѣ ежедневно новыя. Но показывая мнѣ всѣ наслажденія, искусно меня отъ нихъ отворачивалъ, когда онъ бывали опасны. Часто отказывался я отъ увеселеній, имъ мнѣ предлагаемыхъ; я думалъ единственно слѣдовать моему вкусу, не примѣчая того, что поступалъ всегда по его волѣ. Онъ казался мнѣ молодымъ человекомъ равныхъ мнѣ лѣтъ и имѣющій однѣ со мною склонности; однако всѣ мои желанія и поступки были имъ внушены: я безпрестанно повиновался, считая, что пользуюсь полною свободою.

О, какъ бы много наставники молодыхъ людей имѣли надъ ними власти, естли бы умѣли скрывать ее! Человѣкъ родился съ чувствомъ своей независимости, и важное искусство воспитать его, состоитъ не въ томъ, чтобы безпрерывно умерщвлять это чувство, которое должно нѣкогда быть основаніемъ его добродѣтели.

Уже болѣе шести мѣсяцовъ жилъ я у дяди моего спокойнѣе и щастливѣе, какъ гуляя однажды въ Паркъ Сентъ-Жамесъ встрѣтился съ Шмитомъ: мы возобновили наше старое знакомство: дядя мой пригласилъ Шмита къ себѣ, на что онъ охотно согласился, и наша связь сдѣлалась вскорѣ весьма тѣсною.

„Побывавъ нѣсколько разъ у насъ. Шмицъ предложилъ познакомиться меня съ своею теткою; я принялъ это предложеніе, и онъ приехалъ меня въ небогатой, но порядочно прибранной домъ; я нашелъ тамъ женщину лѣтъ пятидесяти и двушку лѣтъ шестнадцати, изъ которыхъ первую называлъ онъ теткою, а вторую сестрою.

„Шмицова тетка приняла меня очень учтиво; но иногда несвязныя выраженія показывали недостатковъ ея воспитанія; дочь ея присоединяла къ прелестямъ тѣлеснымъ пріятный умъ, украшаемый скромностію. Знакомство это мнѣ очень понравилось; я часто посѣщалъ ихъ, и мнѣ казалось, что онъ живущъ весьма уединенно; ибо

я никогда не видалъ у нихъ никого.

„Однажды пришелъ ко мнѣ Шмитъ и сказалъ: „завтра именины моей пепки; у нее будетъ много гостей, и мнѣ поручено тебя звать.“

„На другой день пришедъ къ ней, нашелъ я многочисленное общество. Шмитова пепка оказывала мнѣ особенное вниманіе; столъ былъ очень хорошъ, и лучшія вина текли съ изобиліемъ. Наконецъ умы разгорячились и вскорѣ слышны были двозначущія пѣсни; но именинной праздникъ извинялъ эту вольность.

„Послѣ обѣда съли на нѣсколько столовъ за каршы; не взирая на природное мое отвращеніе къ этому роду увеселенія, я согласился играть въ полѣвничъ съ Шмитовой пеп-

кой. Она сказала мнѣ, что партія на игрѣ была весьма небольшая, и действительно она кончилась только пошереею нѣсколькихъ кронъ.

„Когда я кончилъ партію, то одинъ молодой человекъ, появившійся подлѣ меня, предложилъ мнѣ играть *въ кренсъ*. Не желая оскорбить его отказомъ, я согласился. Между тѣмъ, какъ я выигрывалъ около ста гиней, Шмитъ поощивалъ собраніе пуншемъ, причемъ и я не былъ забытъ.

„Вскорѣ фортуна перемѣнилась, и выигрышъ мой исчезъ съ потереею шестидесяти гиней, которыя были у меня въ карманѣ. Желая вознаградить свою потерю, я безпрестанно удваивалъ ставку, и наконецъ задолжалъ пять тысячъ гиней. Пришедъ въ опча-

яніе отъ сего чрезмѣрнаго долгу, я просилъ перемѣнить игру, на что учтиво согласились. Мы начали играть *въ потъ*, и я продолжалъ прѣигрывать: тогда я началъ теряться: чувства мои были въ смятеніи и кровь во мнѣ кипѣла; когда я бралъ карты, то мрачное облако помрачало мое зрѣніе, и я едва не лишился силъ; каждой разъ надѣялся обыграть хотя нѣсколько, и каждой разъ выигрывалъ мой соперникъ.

„Проигравъ семь тысячъ гиней, я старался скрыть овладѣвшее мною бѣшенство; я былъ въ страшномъ волненіи и всѣ мои мускулы были въ конвульсіяхъ; наконецъ совершенно потерявшись, предложилъ я сыграть на квидъ; соперникъ мой согласился и началъ здавать карты. Желая, чтобы

Шмитъ былъ свидѣтелемъ этого рѣшительнаго случая, я оглянулся назадъ съ тѣмъ, чтобы его кликнуть, и увидѣлъ, что сей бездѣльникъ сѣпоялъ за мною, имѣя въ рукахъ колоду картъ, и ими показывалъ моему противнику тѣ, которыми мнѣ доставались. Въ бѣшенствѣ бросился я на него; но онъ ушелъ въ кабинетъ, въ которой дверь была опворена, и крѣпко заперся. Раздраженъ будучи наглою его робоспію, хотѣлъ я опмстить мошеннику, которой меня обыгралъ; но вся шайка на меня бросилась и усилія мои были тщетны. Они требовали, чтобы я подписалъ вексель въ двенадцать тысячъ гиней; не соглашаясь этого сдѣлать, я принужденъ былъ на шо силою, послѣ чего они вывели меня изъ дому.

„Огорченный еще болѣе послѣднимъ эпимъ поступкомъ, долго не зналъ я, что дѣлать. Тысяча ужасныхъ предпріятій представлялись разстро-енному моему уму; ужасное опчаяніе меня терзало. Послѣ сего случая мнѣ нѣчего уже было опасаться, и я могъ на все опважиться; иногда хотѣлъ я достать орудіе, и войдя въ этотъ гнусной домъ, умертвить вѣроломныхъ его хозяевъ, и потомъ хотѣлъ умертвить самаго себя; однако наконецъ чувства мои успокоились, и я рѣшился на то, что внушило мнѣ благоразуміе.

„Я поспѣшно пошелъ къ моему дяди и во всемъ ему признался; видя мое раскаяніе Сиръ Андерсонъ не умножалъ моей горести спротивными выговорами; напрошивъ утѣшавъ

меня, старался найти средство поправить мою ошибку.

„Онъ поѣхалъ къ Лорду-Меру и рассказалъ ему объ учиненномъ бездѣльническомъ поступкѣ. Лордъ-Меръ обѣщался отмститьъ этимъ мошенникамъ, и дѣйствительно повелѣнія его были такъ хорошо исполнены, что нѣкоторые изъ нихъ были взяты въ ту же ночь, и оповедены въ Невгапъ, гдѣ не долго дожидались справедливаго воздаянія за ихъ злодѣйство. На другой день дядя мой былъ позванъ къ Лорду-Меру, которой возвратилъ ему мой весель, найденной въ записной книжкѣ мнимой Шмиповой пепки, имѣвшей пристанище самымъ негоднымъ людямъ.

„Возвращаясь, Сиръ Андерсонъ опдалъ мнѣ этотъ несчастный вексель, сдѣлавъ при

тѣмъ самымъ кропкимъ образомъ нѣсколько наспавленій, которыя имѣютъ такъ много вліянія на благородную и чувствительную душу. Признаваясь въ своей винѣ, я не старался оправдаться, и обѣщался моему дядѣ никогда уже не играть. Ужасной эпопѣй урокъ дѣйствительно избавилъ меня навсегда отъ пагубной снѣспи.

„Спустя мѣсяць послѣ сего приключенія, ѣхалъ я верхомъ въ деревню къ одному пріятелю моего дяди; я встрѣтилъ Шмипа, гуляющаго съ плутомъ, съ которымъ я игралъ. Какъ скоро они меня увидѣли, то хотѣли скрыться; но я догнавъ ихъ, сошелъ съ лошади и сказалъ Шмипу:

„Ты бездѣльникъ! ешьли бы я повиновался только не-

годованію и презрѣнію, которыя во мнѣ производятъ видъ гнѣвой: то я поспѣхъ бы закричалъ, чтобы тебя взяли подъ караулъ; но я долженъ опмстить тебѣ за привязанность, которую къ тебѣ имѣлъ; одна твоя кровь можетъ омытъ твою измѣну!“ Шмитъ, будучи такой же трусъ, какъ и негодяй, спарался оправдаться; онъ называлъ себя безвиннымъ и говорилъ, что не хочетъ проливать крови своего друга.

„Сступай, говорилъ я ему: оправданія бесполезны; если ты не согласишься драться, то я сей часъ положу тебя на мѣстѣ. Видя меня въ чрезмѣрномъ гнѣвѣ, онъ согласился за мною слѣдовать.

„Мы пришли къ уединенному мѣсту; я привязалъ свою лошадь къ дереву, вынулъ па-

ру пистолетъ, находившихся въ моемъ сѣдлѣ, и далъ одинъ изъ нихъ Шмишу; попомъ отойдя нѣсколько шаговъ другъ отъ друга мы выстрѣлили; его пуля прострѣлила мнѣ шляпу, а моя попала ему въ плечо, и онъ упалъ; я бросился помогать ему, и уже нагнулся, какъ движеніе его товарища понудило меня оглянуться; самымъ эпимъ избѣжалъ я удара кинжаломъ, копорой готовъ былъ получить отъ сего изверга; въ крайнемъ негодованіи вырвалъ я у него кинжалъ, и поранилъ его въ горло: онъ упалъ подлѣ Шмиша. Я немедленно взялъ свои пистолеты, сѣлъ на лошадь и поскакалъ.

„Сначала я хотѣлъ было продолжатьъ дорогу въ деревню; но послѣ разсудивъ, что гораздо будетъ благоразумнѣе увѣ-

домить о помѣ моего дядю, возвратился въ Лондонъ.

„Сирѣ Андерсонѣ удивился скорому моему возвращенію, и когда узналъ пому причину, то осуждалъ за то, что я подвергалъ жизнь свою опасности прошивъ бездѣльниковъ. Онъ боялся, чтобы ударъ, данной мною кинжаломъ въ ролонному товарищу Шмипа, не былъ почтенъ за смертоубійство; но я напомнилъ ему, что есѣди эти мошенники не погибнутъ отъ ранъ, то обязаны болѣе всѣхъ молчать о семъ приключеніи; ибо иначе попадутся въ руки правосудія. Хотя замѣчаніе мое было справедливо, но оно не могло его успокоить; онъ опасался, что я всегда буду подверженъ мщенію этихъ двухъ злодѣевъ. Однако страхъ его былъ не-

основателенъ; я думаю, что они вскорѣ послѣ того померли, ибо съ тѣхъ поръ ничего объ нихъ не слыжалъ.

„Прошло уже двенадцать лѣтъ, какъ опецъ мой находился въ Ямайкѣ; онъ писалъ къ намъ при всѣхъ случаяхъ, и въ каждомъ письмѣ извѣялялъ свое сожалѣніе о нашей разлуцѣ. Опасаясь помѣшать нашему ученію, не звалъ насъ къ себѣ. Наконецъ прошло два года, и мы не получали никакого извѣстія; всѣ наши письма оставались безъ отвѣта. Безпокоясь симъ молчаніемъ, дядя мой дѣлалъ всѣ возможные освѣдомленія, и узналъ только то, что Милордъ Камбель умеръ, но объ нашихъ родителехъ не получалъ никакого свѣденія.

„Огорченный сею неизвѣстностію, я просилъ у дяди мо-

его позволенія вѣхатъ вѣ Ямайку. Онѣ охотно на это согласился и доставилъ мнѣ бумаги, служащія доказательствомъ моему произхожденію, дабы вѣ случаѣ нужды я могъ вступитъ вѣ наслѣдство имѣнія, оставленнаго Милордомъ Камбелемъ:

„Когда Женни узнала о близкомъ моемъ отбѣздѣ, то просила Сирѣ Андерсона, позволить ей со мною вѣхатъ. Тщепно уговаривали мы ее остаться; желая видѣть любезныхъ родителей презирала она опасности путешествія. Наконецъ дядя мой согласился на ея просьбу, полагая, что если они еще живы, то довольны будутъ видѣть обоихъ дѣтей своихъ; и что если бы я отправился безъ нее, то можетъ быть она была бы послѣ

принуждена бѣхъ съ незнакомыми людьми.

„Когда Женни получила позволеніе, по неперпѣніе ея равнялось съ моимъ; мы жаловались на продолжительность времени, пылая желаніемъ обнять скорбе нашихъ родителей; и не взирая на благодарность, которая привязывала насъ къ Сиръ Андерсону и любезной его супругѣ, мы сожалѣли о томъ, что мѣшкали въ Лондонѣ. Наконецъ ожидаемая эпа минула насъ: дядя мой проводилъ насъ до гавани, гдѣ нашли мы корабль, отправляющійся въ Ямайку. Проспясь съ Сиръ Андерсономъ, мы отправились.

„Море не безпокоило Женни; казалось, что привязанность къ родителямъ давала ей силы пропитьсья веѣмъ безпо-

койсѣвамъ. Въпрѣ благопріятствовалъ нашему неперѣбнѣю; илананіе было благополучно, и мы вскорѣ пришли къ мѣсту; но ахъ! какъ жестоко обманулись мы въ своей надеждѣ!

„Свѣхавъ на берегъ, спросили мы домъ Милорда Камбеля, и какъ скоро намъ его показали, то мы пошли туда съ поспѣшностію. Мы нашли тутъ только спараго управителя моего дѣда, которой сказалъ мнѣ, что такъ какъ Милордъ Келли не могъ возвратиться въ Англію прежде прибытія новаго Губернатора, то уѣхалъ съ своею супругою въ Гавану; и что имѣя къ нему полную довѣренность, оставилъ его въ прежнемъ званіи, почему онъ и привелъ въ порядокъ всѣ дѣла касательно до земель, ожидая ежедневна

возвращенія моего отца, объ которомъ не имѣлъ уже два года никакого слуху.

„Эпо извѣстіе привело насъ въ чрезмѣрное безпокойство, и мы рѣшились ѣхать въ Гавану. Мы нашли судно, которое отправлялось во Флориду и должно было зайти къ мысу Св. Антонія. Пользуясь симъ случаемъ, оставили мы Ямайку, и обѣщались управителю, увѣдомить его, какъ скоро получимъ какое нибудь свѣденіе.

„Въ продолженіе нашего плаванія была непрерывная буря; однако мы пришли благополучно къ мысу Св. Антонія; опшуда побѣхали берегомъ въ Гавану съ двумя арапами, которыхъ взяли въ Ямайкѣ.

„Прискорбіе наше умножилось по прибытіи въ Гавану; тамъ не знали также два го-

да, что сдѣлалось съ моимъ опцомъ. Онъ вдругъ скрылся вмѣстѣ съ моею матерью, не давъ никому знать о своемъ отбѣздѣ, и всѣ розыски на шествіе ихъ были безуспѣшны.

„Мы пробывши въ Гаванѣ два мѣсяца и тщетно оцѣ нихъ освѣдомлялись; я оббѣхалъ островъ Кубу, но не могъ также ничего узнать. Наконецъ, приведя дѣла ихъ въ порядокъ, мы возвратились въ Ямайку.

„Тамъ, съ помощію Губернатора, дѣлалъ я новыя розыски, но все было напрасно. Наконецъ, потерявъ надежду оббъ нихъ узнать, я утвердилъ за собою ихъ имѣніе; поручилъ его спарому управителю, и рѣшился возвратиться въ Англію къ моему дядѣ. Сестра моя, скучая въ землѣ, гдѣ все наминало ей плачевную потерю,

одобрила мое намѣреніе ; мы сѣли на вашъ корабль, огорченные неизвѣстностію на щепѣхъ любезныхъ нашихъ родителей.“

Вопъ , милой Гюпнеръ , причина моей грусти : пайна о пребываніи отца моего и матери мнѣ несносна. Все 'заставляетъ меня подозрѣвать , что смерть Сиръ Карлъ не могъ говорить болѣе ; рыданія прекратили его слова. Распростертый Гюпнеръ смѣшалъ свои слезы со слезами своего друга и чувствительной Женни.

ГЛАВА IV.

Съ тѣхъ поръ , какъ путешественники наши оставили островъ , къ которому зашлавила ихъ приспашъ буря , бла-

гопріятный вѣтрѣ надувалъ ихъ паруса и конецъ ихъ плаванія приближался. Между тѣмъ Гюпнеръ поперялъ свою веселость; мрачная поска, занявшая ея мѣсто, усиливалась ежедневно.

Сиръ Карлъ примѣтилъ тайную скорбь своего друга и не имѣлъ нужды спрашивать объ ея причинѣ: онъ вскорѣ ее узналъ. Когда Гюпнеръ находился подлѣ Женни, то смотрѣлъ на нее съ нѣжностію; глаза его наполнялись слезами, онъ вздыхалъ и поспѣшно удалялся. Сиръ Карлъ не сомнѣвался, чѣмъ красота сестры его не воспламенила Капитана. Не зная, чѣмъ отвѣчать своему другу, если бы онъ открылъ ему свое сердце, убѣгалъ случая бытъ съ нимъ наединѣ. Онъ старался находитья всегда

вмѣстѣ съ Женни, дабы Гюннеръ не могъ ей опираться въ своей страсти.

Однажды Сиръ Карлъ и сестра его чинали въ своей каютѣ, находившейся подлѣ Каппанской, какъ вдругъ услышали Гюннеровъ голосъ: онъ игралъ на гитарѣ и пѣлъ слѣдующій романсъ.

Когда съ тобою разлучаюсь,
О Женни, милая моя!

Жестока грусть меня перза-
етъ —

Несносна кажется мнѣ жизнь!

Но день проходитъ, какъ мгно-
веніе,

Когда съ тобой бываю я.

Ахъ, можноль мнѣ быть равно-
душнымъ,

Взирая, другъ мой, на тебя!

* * *

Любитьъ себя я вѣчно буду —
 О Женни! я узналъ теперь:
 Стыдливосишь милая рождаешь
 Свяшую, чистую любовь.

Ея невинной, кроткой пламень,
 Источникъ истинныхъ утѣхъ,
 Самой природой воспаленной,
 Не оскорбляетъ красоты. —

* * *

Когдабъ въ твоихъ прелест-
 ныхъ взорахъ

Я могъ зрѣть щастіе свое —

Читай въ моихъ — и ты уз-
 наешь,

Что все оно въ одной тебѣ!

Ахъ, для чего мнѣ оиъ при-
 роды

Плѣнять искусства не дано?

Любиму бышь мнѣ не возмо-
 жно!

Но, Женни, я могу любить!

Между тѣмъ, какъ Гюпнеръ
 пѣлъ эгоиъ романсѣ съ нѣж-

нымъ выраженіемъ, Женни забыла свою книгу, и устремивъ глаза въ землю, казалось, повторяла каждой куплетъ. Сиръ Карлъ, примѣтивъ смятеніе сестры своей, не сомнѣвался о привязанности ея къ Капишану. Сіе замѣчаніе сдѣлало сто еще внимательнѣе: онъ хотѣлъ бы исполнить желаніе Женни и составить щастіе своего друга, но не зналъ воли своихъ родныхъ и также происхожденія Гюпнера. Тогда онъ принялъ намѣреніе узнать о послѣднемъ, и такъ какъ плаваніе ихъ приходило къ окончанію: то онъ рѣшился ждати до тѣхъ поръ, какъ свѣдуешь уже на берегъ.

Однако грусть Гюпнера умножалась ежедневно; сердце его раздиралось, когда онъ представлялъ себѣ, что долженъ

будеть разстаться съ Женни, можеть быть и навсегда. Сія мысль приводила его въ трепетъ и расширявала его духъ. Часто казался онъ занятымъ какимъ нибудь мрачнымъ предприятиемъ; иногда бродилъ по кораблю, ничего не примѣчая, или сидѣлъ неподвижно и въ глубокой задумчивости смотрѣлъ на палубу; иногда же усиливаясь быть веселымъ, горилъ съ живостію; но вздохи прерывали его рѣчь, и несвязныя выраженія открывали смятеніе его сердца.

Женни, будучи благодарна Гюпнеру за все вниманіе, которое онъ ей оказывалъ въ продолженіе путешествія, вскорѣ узнала, что чувство, гораздо нѣжнѣе признательности, занимало ея душу. Капитанъ представлялся ей безпрестанно въ

самомъ прелестномъ видѣ: строгой разсудокъ осуждалъ эту мысль, но любовь ее одобряла. Она старалась избѣгать трогательныхъ и печальныхъ взоровъ Гюпнера, но неизвѣстная сила обращала на него глаза ея: они встрѣчались съ глазами Капитана, и любовь соединяла ихъ души. Не смѣя обьясниться, желала она скрыть свой пламень; но будучи вмѣстѣ, всегда его открывала: они понимали другъ друга, не говоря ни слова.

Наконецъ открылись берега Англии и корабль пришелъ вскорѣ въ Плимутъ. Ничто не могло сравниться съ смущеніемъ Капитана, кромѣ горести Женни, которая не могла удержатъ своихъ слезъ. Братъ ея припавъ, будто ихъ не видитъ; но когда же принужденъ былъ быть ихъ свидѣтелемъ, то при-

писывалъ ихъ неудачному своему путешествію.

Вечеромъ Гюпнеръ велѣлъ бросить якорь въ виду гавани, куда онъ хотѣлъ войти на другой день; поспѣшъ спустили ялюбку, и Капитанъ отправилъ ее на берегъ. Сиръ Карлъ, не бывъ о томъ извѣщенъ, жалѣлъ, что въ ней не уѣхалъ; но Женни была весьма довольна симъ случаемъ, которой доставлялъ ей удовольствіе видѣть Гюпнера еще нѣсколько времени. Сердце ея раздиралось, когда она представляла себѣ, что скоро должна будетъ его ославить. Горестъ Капитана умножалась ежеминутно, и между тѣмъ, какъ весь экипажъ радовался, видя конецъ своимъ безпокойствамъ, опчаяніе было написано на его лицѣ.

Сирѣ Карлѣ вспомнивѣ, что онѣ былѣ обязанѣ пассажиру, которой прошивилѣ отбѣзду корабля отѣ острова, хотѣлѣ благодарить его, но не могѣ ни-гдѣ его найти. Гюпнерѣ ска-залѣ ему, что онѣ уѣхалѣ уже на берегѣ. Сирѣ Карлѣ, почи-тая благодарность святымѣ закономѣ, весьма жалѣлѣ, что не оказалѣ ее человекѣу, одолжив-шему его такѣ много.

Когда шлюпка возвратилася на корабль, то Гюпнерѣ велѣлѣ шпануться вѣ гавань, почему всѣ изготювились сбѣзжать на берегѣ. Онѣ просилѣ Сирѣ Кар-ла прожить нѣсколько време-ни вѣ домѣ его пріятеля, вѣ которомѣ для него были при-готовлены комнаты. Дабы не огорчить еще болѣ сеспры своей, Сирѣ Карлѣ на это со-гласилѣся; сверхѣ того онѣ хо-

тѣмъ узнать Гюпнеровы приключенія, что казалось ему удобнѣе, живши съ нимъ вмѣстѣ.

Радость сіяла въ глазахъ Женни, когда она услышала, что будетъ жить въ одномъ домѣ съ Гюпнеромъ. Сиръ Карлъ, любя нѣжно сестру свою, примѣтилъ ея удовольствіе; онъ желалъ утвердить ея вѣстіе, если происхожденіе Капитана это позволяло.

Сбѣжавъ на берегъ, Гюпнеръ оповѣлъ Сиръ Карла и сестру его въ прекрасной домѣ, гдѣ, казалось, ожидали ихъ съ неперпѣніемъ; ихъ приняли весьма учтиво и Сиръ Карлъ былъ очень доволенъ тѣмъ, что будетъ жить съ любезными и умными людьми.

Въ первой день путешественники наши приняли отдохновеніе, а на другой Гюпнеръ

перевозилъ ихъ пожизки. Между тѣмъ Сиръ Карлъ и Женни ходили по городу, осматривали арсеналъ, и видѣли въ верифи корабль, который былъ уже совсѣмъ готовъ для спуску на воду. Обширное это зданіе имѣло сто шестьдесятъ три фута длины, сто сорокъ четыре ширины; оно стояло на твердыхъ столбахъ, а подъ него поддѣланы были родъ саней, выдавшихся въ море. Женни, желая видѣть спускъ его, возвратилась шуда на другой день съ Сиръ Карломъ. Принихъ намазали виль саломъ, такъ какъ и сани, и корабль будучи совсѣмъ изгопвленъ, держался только на нѣсколькихъ подпорахъ и на канатѣ, привязанномъ къ сваѣ. Какъ скоро сдѣлали знакъ, то нѣскольکو подпорокъ и канатъ были перерублены;

корабль покапился по санямъ, и вскорѣ спустился на воду. Когда онъ остановился, по мап-росы сбѣвѣ на шлюпки, припрянули его, въ гавани и начали оснашивать.

Зрѣлище это доставило великое удовольствіе Сирѣ Карлу и сестрѣ его; они удивлялись искусству и отважности изобрѣтателя сихъ плавающихъ зданій. Возвратясь домой нашли они Гюпнера, погруженнаго болѣе, нежели когда нибудь, въ мрачныя его мысли. Казалось, что онъ былъ весьма занятъ; душевное волненіе было написано на его лицѣ.

„Гюпнеръ, сказалъ Сирѣ Карлъ, мы скоро разстанемся; но прежде я хочу имѣть доказательство твоей дружбы. О! говори, чего ты отъ меня требуешь?“ отвѣчалъ Капитанъ. „Я

надѣюсь повторилъ Сирѣ Карлѣ, что ты расскажешь мнѣ свои приключенія.“ *Охотно; мнѣ нужно только сдѣлать на кораблѣ нѣкоторыя приказанія; но ввечеру если тебѣ угодно притти на пристань, то гуляя тамъ я буду ихъ тебѣ рассказывать.. Извини, что теперь мнѣ нужно тебя оставить.. ввечеру я тебя ожидаю.*

Выходя, Гюпнеръ бросилъ нѣжный взглядъ на Женни, которая не смѣла поднять глазъ. Что касается до Сирѣ Карла, то онъ радовался тому, что скоро узнаетъ происхожденіе своего друга, и что еслили онъ стоилъ Женни, то соединилъ ихъ, составилъ ихъ благополучіе.

Сирѣ Карлѣ и сестра его пошли на пристань, такъ какъ общались Капитану, и ожидали

его, съ удовольствіемъ смотрѣли на зрѣлище, которое имъ представлялось.

У приспани было множество судовъ, легко колеблемыхъ волнами; многочисленныя мачты ихъ уподоблялись обнаженному лѣсу; вдали видны были рыбацкія барки, изъ коихъ нѣкоторыя уже приспавали къ берегу, между тѣмъ тѣмъ народу раскупала рыбу, которой цѣна прибавлялась по мѣрѣ того, какъ она переходила изъ рукъ въ руки; съ другой стороны шли носильщики съ поварями для нагруженія судовъ; на мачтахъ видны были Юнги, поправляющіе снасти; удары работающихъ плотниковъ раздавались въ воздухъ; конопатчики опускались въ воду для починки судовъ въ подводныхъ частяхъ; вдали густой дымъ помрачалъ

воздухъ: онъ производилъ отъ кипящей смолы, копорую обмазывали суда. Однимъ словомъ, вездѣ видна была дѣятельность; всѣ работали съ прилѣжаніемъ; и казалось, что каждой забывалъ свои пруды, наполняя воздухъ веселыми пѣснями, копорыя были иногда прерываемы пушечною стрѣльбою съ кораблей, выходящихъ изъ гавани.

Сиръ Карлъ и Женни долго смотрѣли на это прекрасное зрѣлище; но какъ удовольствіе ихъ ни было велико, они ожидали съ нетерпѣніемъ Каппана. Соскучивъ его медлительностію, Сиръ Карлъ прохаживался по пристани; не взирая на темноту ночи, которая начинала приближаться, увидѣвъ онъ мажорсовъ съ Гюшнорова корабля, и пошелъ съ ни-

ми поговорить. Едва успѣлъ онъ къ нимъ подойти, какъ покрытъ былъ большимъ покрываломъ, которое на него накинули. Онъ хотѣлъ освободиться, но его немедленно схватили и понесли; онъ чувствовалъ, что его заперли въ сундукъ и повезли далѣе.

Какъ скоро онъ былъ запертъ, то легко могъ выпутаться изъ покрывала, въ которое былъ обернутъ. Спранная его шюрма была довольно пространна, и, казалось, приговорена такъ, чтобы ему было въ ней покойно. Какая пьма идей представлялась его уму! Что воспослѣдовало съ Жени? Какой тайной непріятель ихъ разлучаетъ? Зачемъ его похищаютъ? Зачемъ заперли его въ этотъ сундукъ? Не хотятъ ли бросить его въ море? Однако

онъ забываетъ всѣ грозившія ему опасности, и думаетъ только объ сестрѣ своей: она одна занимаетъ его мысли. Онъ щипалъ себя погибшимъ, но для одной Женни сожалѣлъ объ жизни; лилась брата, какой участи будетъ она подвержена?

Трясеніе, чувствуемое Сирѣ Карломъ въ его шюрмѣ, скоро кончилось; оно перемѣнилось въ тихое движеніе, которое, казалось ему, происходило отъ колебанія волнъ: не уже ли дѣйствительно предали его на ихъ волю? Онъ хочетъ въ этомъ увѣрился; старается разбиить сундукъ, но не можетъ въ томъ успѣть, слушаетъ со вниманіемъ, но ни малѣйшій шумъ до него не доходитъ. Наконецъ чувствуетъ, что его подняли: первыя потрясенія возобнови-

лись, но за ними послѣдовала
пищина.

Черезъ нѣсколько минутъ
Сиръ Карлъ слышитъ, что сун-
дукъ его оппираютъ: крышка
поднимается, и при слабомъ
свѣтѣ лампы онъ видитъ
себя окруженнаго Гютиеровы-
ми матросами, съ которыми
хотѣлъ говорить на приспанж.
Отъ удивленія не можетъ онъ
выговорить ни слова, и мат-
росы уходятъ прежде, нежели
онъ пришелъ въ себя.

Наконецъ онъ вылезаетъ
изъ свое о сундука, и видитъ,
что находится въ каютѣ, сдѣ-
ланной въ прюмѣ корабля. Кой-
ка, стулъ и столъ соспавля-
ли ея мебель: столъ былъ ус-
тавленъ кушаньемъ; но ахъ!
можетъ ли несчастный Сиръ
Карлъ думать о пищѣ! Пора-
женный недоумѣниемъ, онъ при-

нимаеѣь эѣо за ужасный сонѣь; но шумѣь волнѣь, крикѣь маѣпросовѣь и движеніе судна увѣбряюѣь его вѣь проѣивномѣь.

Погрузившись вѣь размышленіе, онѣь спараеѣься постичѣь причину эѣаго спраѣнаго похищенія; кто былѣь эѣотѣь похититель, когда послѣь продолжительнаго путешественія едва успѣьль онѣь свѣьхатѣь на берегѣь, и когда никто еще не зналъ обѣь его возвращенія? Сирѣь Карлѣь не имѣетѣь непріятелией; онѣь никому не сдѣьлалѣь вреда и поэтому не опасался мѣьщенія. Не ужели любовь поѣу причиною, Не-ужели Гюѣтнерѣь?.. Но онѣь не хочеѣь обидѣьть своего друга подозрѣьніемѣь. Однакожѣь онѣь узналъ его маѣпросовѣь; они его похитили и привезли на корабль... Гюѣтнерѣь звалѣь Сирѣь Карла на пристань; и еѣьдѣьст-

Гробница Ч. I. I 2.

венно это были сѣпи, чтобы разлучить его съ Женни, которая оставалась такимъ образомъ на волѣ своего любовника. Все обвиняло Гюгнера; но Сирь Карлъ не можетъ повѣрить, чтобы онъ былъ способенъ къ такому жестокому насилію; онъ любитъ Женни; Сирь Карлъ въ этомъ не сомнѣвается, и это увѣреніе достапочно для отвращенія всякаго подозрѣнія. Истинная любовь основана на почтеніи; и такъ какъ Гюгнеръ истинно любитъ Женни, то долженъ ее почитать; онъ вѣрно не захочетъ сдѣлаться недостойнымъ илѣнннвшаго его предмета столь гнусною измѣною.

Такимъ образомъ благородная душа Сирь Карла отвергала всякое подозрѣніе на Гюгнера, и не взирая на вѣроломно-

сти, онъ не сомнѣвался о добродѣтели своего друга. Разлученъ будучи съ сестрою, онъ утѣшалъ себя мыслию, что Гюпнеръ заступитъ его мѣсто, будетъ ея подпорою, защитникомъ, и отвезетъ ее къ дяди его. Онъ воображалъ себѣ, что, доставя Женни спокойствіе, возвративъ ее родственникамъ, будетъ заниматься участію своего друга; употребитъ всѣ средства, дабы его отыскать, и что, можетъ быть, нѣкогда онъ будетъ ему обязанъ освобожденіемъ. Сиръ Карлъ подкрѣплялъ себя сею сладкою надеждою, среди прискорбныхъ идей, представлявшихъ его воображенію.

Безпрестанно спараясь постигнуть причину своего похищенія, Сиръ Карлъ не могъ вкушать пріятности сна. На дру-

той день онъ слышитъ, что опдвигаютъ задвижки; дверь отворяется, и входятъ два матроса, которые принесли ему пищу: дверь была за ними поочасъ заперта. Онъ спросилъ ихъ о причинѣ своего започенія.—*Мы ничего объ этомъ не знаемъ*, отвѣчалъ одинъ изъ нихъ.—*Вѣдь вы меня похитили?*—*Правда.*—*Но за чѣмъ же? Для того, что намъ за это заплатили.*—И гнусная прелестъ золота могла склонить васъ лишить невиннаго человека свободы?—*Невиннаго! что намъ до этого нужды!*—*Кто велѣлъ вамъ сдѣлать такой варварской поступокъ?*—*Тотъ, кто заплатилъ за него деньги.*—*Но имя его?*—*Намъ запрещено это говорить.*—*По крайней мѣрѣ скажите, куда вы меня везете?*—*Ты это узнаешь, какъ придется*

къ мѣсту. — Но не уже ли мнѣ запрещено выходить изъ моей пюръмы на свѣжій воздухъ? — *Запрещено.* — Не могу ли я поговорить съ Капитаномъ? — *Мы ему объ этомъ скажемъ.* Говоря такимъ образомъ, мапросы поставили на столъ принесенное кушанье, потомъ постучались въ дверь, и какъ скоро они вышли, то опять заперли задвижками.

Отвѣты мапросовъ на различные вопросы Сиръ Карла умножили только его недоумѣнiе; онъ надѣялся, что поговоря съ Капитаномъ, получитъ, можетъ быть, нѣкоторыя объясненiя и узнаетъ виновника своего похищенiя. Однако день прошелъ, но Капитанъ не приходилъ; ожидая съ нетерпѣнiемъ исполненiя своей просьбы, стучалъ онъ крѣпко въ двери;

но однѣ потрясенія задвижекъ оповѣчали его ударамъ.

Въ слѣдующій день матрозы принесли опять кушанье несчастному плѣннику. Онъ вопорилъ свою просьбу, но не получилъ яснаго отвѣта. Прошло семь дней, и Сирѣ Карлѣ не видали никого, кромѣ двухъ матрозовъ: въ осьмой онъ былъ извлекъ изъ своихъ размышленій залпомъ изъ пушекъ, за которыми немедленно послѣдовалъ другой; онъ не зналъ, что подумать объ этой стрѣльбѣ, продолжавшейся безпрестанно, какъ два матроза вошли къ нему съ конопатчикомъ, которой принесъ смолу и свинцовые листы. Онъ узналъ тогда, что корсерѣ гнался уже съ часъ за кораблемъ, на коемъ онъ находился, и что онъ получалъ два удара въ подводную часть.

Сирь Карль, забывъ, что онъ въ заключеніи, хочеть иппи сражаться, онъ бросается къ двери, но матрозы останавливаютъ его и сажаютъ на мѣсто; едва отошелъ онъ отъ двери, какъ новое ядро попадаетъ въ корабль и падаетъ у его ногъ. Вода входитъ съ стремленіемъ; но конопатчикъ поспѣе закрываетъ отверстіе свинцовымъ листомъ, который обливаютъ сверху смолою, и такимъ образомъ останавливаютъ стремленіе воды.

Сраженіе продолжалось очень долго, и огонь былъ силенъ съ обоихъ сторонъ; но наконецъ послѣдовала пишина и матрозы съ конопатчикомъ ушли.

Сирь Карль, видя, что его оставили въ покоѣ, заключилъ, что корсеръ или разбитъ, или обращенъ въ бѣгство; и не зная,

лучше ли бы была его участь, онъ доволенъ былъ тѣмъ, что не попался въ руки разбойниковъ. Вскорѣ потомъ услышалъ онъ удары конопатчика, которой конопатилъ поврежденные мѣста снаружи.

Два дни протекли послѣ эпизода сраженія и съ Сирѣ Карломъ ничего новаго не послѣдовало; въ ночь, на третій день, онъ вкушалъ въ первый разъ пріятность благодѣтельнаго сна; однако воображеніе его, опягощенное идеями, смущавшими его днемъ, было въ нѣкоторомъ волненіи, и предсказывало ему безпрерывныя мечты. Несчастный братъ Женни видѣлъ сны восхитительные; ему казалось, что онъ находится подлѣ своей матери, между тѣмъ, какъ о пещѣ его соединялъ Женни съ Гюп-

неромъ. Любовь и удовольствіе сіяли на лицѣ Кашипана; радость, умѣряемая скромностію, означалась въ глазахъ Женни; грудь ея колебалась, улыбка видна была на ея устахъ, щеки ея покрывались нѣжными румянцемъ и робкіе взоры искали согласія ея матери.

Сиръ Карлъ наслаждался этою пріятною мечтою, какъ былъ вдругъ пробужденъ: глаза его были крѣпко завязаны, и ему велѣли немедленно вставать. Чувствуя, что сопротивленіе бесполезно, онъ повинуется; его одѣваютъ, и не развязывая глазъ, сажаютъ на шлюпку: онъ слышитъ шумъ веселъ, и вскорѣ выводятъ его на берегъ. Вступивъ на землю, Сиръ Карлъ содрогается; онъ думаетъ, что его высаживаютъ на пустой островъ, гдѣ и броситъ. Тщетно

дѣлаетъ онъ вопросы двумъ
человѣкамъ, ведущимъ его подъ
руки: они не отвѣчаютъ ни
слова; черезъ четверть часа его
посадили въ карету; дворцы
потчасъ были запворены; раз-
дался ударъ бича и лошади
помчались.

Когда карета поѣхала, то
ему развязали глаза; но не визи-
рая на то, онъ находился въ
глубокой темнотѣ. Однакожъ
спустя малое время небольшой
свѣтъ прошелъ въ карету, не
взирая на предосторожности,
съ которыми стекла были за-
крыты; онъ увидѣлъ тогда,
что подлѣ него сидѣли два че-
ловѣка, но не могъ разглядѣть
ихъ лицъ.

Начавъ говорить съ своими
поварищами, или, лучше ска-
зать, съ надзирателями, Сиръ
Карлъ повторялъ прозьбу, дѣ-

ланную имъ на кораблѣ. Ему отвѣчали, что не возможно сказать мѣста, куда его везли, и просили не дѣлать пустыхъ вопросовъ, кспорыхъ къ сожалѣнію нельзя было удовлетворить. Сиръ Карлъ удивлялся вѣжливости, съ какою надзиратели его ему отвѣчали: это еще болѣе погружало его въ недоумѣніе. Но не ужели не открытсѣя причина сего похищенія? думалъ онъ; я не могу всегда спать въ темнотѣ: есмь ли гонитель мой хочетъ моей смерти, для чего же бы мнѣ не знать, гдѣ она назначена? къ чему служить эта странная пайна?

Сиръ Карлъ размышлялъ такимъ образомъ, и мысли его въ безпорядкѣ слѣдовали одна за другою. Между тѣмъ новая идея пришла ему въ голову;

спараясь щещно узнать виновника своего похищенія, и причину, которая его къ тому побудила, онъ представилъ себѣ, что другой былъ назначенъ жертвою; и что его взяли ошибкою; идея эта показалась ему такъ вѣроятна, что онъ сообщилъ ее своимъ надзира-телямъ. Они отвѣчали ему со смѣхомъ, что это могло легко спастись, но что онъ скоро о семъ узнаетъ. Чѣмъ болѣе онъ размышлялъ, тѣмъ приключеніе его казалось ему страннѣе; иногда даже казалось оно ему смѣшнымъ, и онъ какъ будто радовался тому, что былъ его Героемъ. Но напоминеніе о сестрѣ уничтожило мгновенно спокойствіе, готовое возвратиться въ его душу. Онъ представлялъ себѣ Женни одну, погруженную въ горесть и опла-

кивающую его потерю. Ужасная эта мысль приводила его въ отчаяніе; онъ приходилъ въ чрезмѣрной гнѣвѣ, хотѣлъ броситься на своихъ надзирателей, и въ бѣшенствѣ своемъ чувствовалъ довольно силы задушить ихъ; но потомъ мгновенно познавалъ заблужденіе своего разсудка и гнѣвѣ его уполялся; однако не менѣе того онъ съ нетерпѣніемъ ждалъ развязки этого страннаго приключенія.

Карета, будучи всегда закрыта, ѣхала весьма скоро; уже нѣсколько разъ перемѣняли лошадей, и надзиратели Сиръ Карла спрашивали, не ослабѣли ли онъ? Онъ отвѣчалъ, что охотно бы желалъ выпить, хотя не надолго, на чистой воздухъ; но вмѣсто того надзиратели его подали ему нѣсколько

фруктовъ, которые онъ долженъ былъ принять оцупью. Ему показалось, что товарищи его пили; онъ вздумалъ воспользоваться симъ случаемъ; онъ самъ попросилъ у нихъ пить, и они подали ему бутылку прекраснаго вина, котораго онъ нѣсколько опилъ; потомъ притворясь будто часно пьетъ, хотѣлъ склонить своихъ надзирапелей къ тому же: по обыкновенному ли своему вкусу, или дѣйствительно по хитрости Сиръ Карла, только они пили и говорили много. Пльный видя, что онъ достигъ своей цѣли, старался узнать отъ нихъ хитрымъ образомъ имя своего гонителя, и куда его везутъ; однако вопросы его остались безъ отвѣта: ибо они вскорѣ уснули. Сонъ ихъ оживилъ его надежду; ему

казалось возможнымъ уйти, и онъ изыскивалъ къ тому всѣ средства, ожидая, чшобы надзиратели его крѣпче уснули.

Опасаясь разбудить своихъ аргусовъ, Сиръ Карлъ едва смѣлъ дышать; съ великою робостію приступаясь онъ къ своему предпріятію — сердце его сильно бьется. Находясь въ совершенной темнотѣ, началъ онъ ощупывать около себя и около своихъ надзирателей, полагая, что у нихъ было какое нибудь оружіе; однако не нашедъ ничего, рѣшился выскочить изъ кареты; онъ старался ее оппереть, и отыскалъ уже придверную ручку, которая начинала уступать его усилію. Но вдругъ лошади остановились, и дали такой сильной толчокъ каретѣ, что надзиратели его проснулись.

Сирѣ Карлѣ видя, что долженъ былъ оплохитъ свое предпріятіе, выпустилъ пихонько ручку; онѣ надѣялся, что надзиратели его опять скоро заснутъ. Черезъ нѣсколько минути карета опять побѣжала, и по спугу могъ онѣ заключитъ, что она ѣхала по мосту; вскорѣ сбѣжала она на ровную землю, и Сирѣ Карлу казалось, что позади ихъ зашумѣли вѣ ворота; шаги лошадей слышались, какъ будто подъ сводомъ. Наконецъ зашумѣли въ рогъ, карета остановилась и надзиратели сказали: „вотъ уже мы и приѣхали! —“ Слова эти разрушили надежду Сирѣ Карла и привели его въ трепетъ.

Дверца отворилась; надзиратели вышли и вывели Сирѣ Карла. Лишенъ будучи нѣсколь-

ко дней дневнаго свѣта, онъ былъ ослѣпленъ солнечнымъ блескомъ и едва было не лишился чувствъ; однако зрѣніе его мало помалу укрѣпилось, и онъ увидѣлъ, что находится на обширномъ дворѣ, окруженномъ зубчатыми стѣнами. Внутри его былъ замокъ, котораго Готическая архитектура казалась произведеніемъ отдаленныхъ вѣковъ; однако, не взирая на его древность, замокъ этотъ былъ въ хорошемъ состояніи.

Между тѣмъ, какъ Сиръ Карлъ разсматривалъ фасадъ этаго зданія, окривилась въ стѣни дверь, и къ нему подошли шесть человекъ; одѣтые въ длинныя черныя плащья; головы ихъ были покрыты покрывалами той же краски, сквозь которыя они могли видѣть, но

лицъ ихъ никакъ нельзя было разглядѣть.

Эти шесть человекъ спали около Сиръ Карла, и сдѣлавъ ему знакъ за собою слѣдовать, повели его въ замокъ. Онъ шелъ по великолѣпной лѣспницѣ изъ бѣлаго мрамора, и какъ скоро его ввели въ прекрасную комнату, то и оставили одного.

КОНЕЦЪ I ЧАСТИ.